

№ 2757 ГОД ИЗДАНИЯ ДВАДЦАТЬ ТРЕТИИ ● ЧЕТВЕРГ 25 СЕНТЯБРЯ 1969 ● JEUDI 25 SEPTEMBRE 1969 ● VINGT-TROISIEME ANNEE **PRIX: 2 F**

РУССКАЯ МЫСЛЬ

Главный редактор
Зинаида ШАХОВСКАЯ

LA PENSÉE RUSSE

Rédacteur en chef
Zinaïda SCHAKOVSKOY

Редакция и Контора: 91, rue du Faubourg Saint-Denis, Paris - 10e Tél.: 824-83-16. Почтовый счет: С.С.Р. 5883-44, PARIS

Обращение А. Анатоля к ПЭН

6 сентября 1969 г.

Здравствуй, дорогой, многорукавый Артур Миллер!

Я очень признателен Вам за Ваше участие в судьбе русской литературы, читал Ваши высказывания и хочу послать письмо в адрес Конгресса ПЭН в Ментоне.

К моему огорчению, в американской печати я прочел и другие высказывания, которые, по моему, вызваны остатками иллюзий относительно России и которые свидетельствуют либо о частичном, либо о полном непонимании того, что там сейчас происходит.

Советский Союз — фашистская страна. Причем его фашизм гораздо более опасен, чем гитлеровский. Эта страна, которая живет в Орвелловских временах, гораздо раньше 1984 года. А на Западе все толкуют о каком-то диалоге с этим миром, о каких-то надеждах на либеральные преобразования в СССР, о каком-то коммунизме «с человеческим лицом».

Я не понимаю: сколько еще нужно доказательств? Десятки миллионов кровавых жертв, расстрелянная культура, фашизм, антисемитизм, истребление малых народов, превращение личности в лицемерное ничтожество, Венгрия, Чехословакия, а в литературе — сплешные убийства, самоубийства, травля, суды, сумасшедшие дома, непрерывная цепь трагедий от Гумилева до Солженицына — неужели мало????

И вдруг образованный, казалось бы, культурный человек может сказать вам на Западе: «Не верю, что в России так плохо. Если бы было так плохо, то почему народ терпит? Почему он не изберет другое правительство?»

О, нет предела людской наивности и доверчивости. Если цивилизации суждено погибнуть или выродиться, то это произойдет с восторженной помощью этих доверчивых людей, которые верили Гитлеру, верили Сталину, которые шли на расстрел с их именами на устах, или в Бабий Яр, а думали, что их любезно везут в Палестину.

Такой же сказочной Палестиной оказался и миф о коммунизме, добрые намерения которого — в который раз — выложили дорогу в ад, причем удлинители ее на много километров, и еще неизвестно, какими дорожными работами коммунисты потрясут мир в будущем. Те, якобы грандиозные материальные результаты, которых они достигли ценой такого ужаса, кро-

ви и штурмов, за 50 лет могли бы быть в России десятилетия больше, если бы применялся, скажем, американский способ хозяйствования — и без крови, и без ужаса.

Но они ведь еще создали Орвелловский тип человека! Двоемыслием, лицемерием советское общество пронизано настолько, что порой кажется: оно только из этого и состоит. Это говорю я, который родился, вырос в нем, дошел до грани, за которой сходят с ума — и поверьте, я знаю, что я говорю.

И вот воспитанные среди Западной демократии некоторые писатели приезжают в СССР, сразу же получают полный комплект Потемкинских деревень, деньги, водку, икру (которой, кстати, сами русские не вялят) — и растаивают от удовольствия.

С ними работают сотрудники КГБ, а они ведут с ними «диалоги». Их нагло покупают, а они верят, что их так любят. Им устраивают встречи с русскими писателями, которые играют перед ними роли, как актеры на сцене, а они принимают это за творческие контакты. О, господа, сколько раз меня самого заставляли участвовать в этих представлениях, в этой гнуси!

Советский писатель почти никогда не бывает искренним до конца. А с иностранцем — вообще, пожалуй, никогда. Даже дома в четырех стенах, даже где-нибудь в поле, когда вокруг никого нет, когда кажется, что он, наконец, нам говорит что-то искренне, раскрывает страшные вещи, — и даже тогда он с вами откровенен до определенного предела.

Это уже инстинкт, это уже врожденный рефлекс, выработанный полувекковым ужасом, в котором выживают только те, кто обладает таким инстинктом, потому он и выжил, этот писатель, потому вы и беседуете с ним, и потому он ЧЛЕН Союза писателей, — а другие, искренние — их нет, или они далеко, в сумасшедшем доме, в концлагере, в земле. В лучшем случае РЕАБИЛИТИРОВАНЫ ПОСМЕРТНО.

Потому что он, этот ваш искренний друг, ругает Сталина, КГБ и цензуру, а в архивах КГБ лежат доносы, подписанные его рукой, а может быть, такой донос и сейчас лежит у него в кармане — на своего друга, произведения которого он так расхваливает, а может быть и на вас.

Самое страшное, что их и винить особенно нельзя: система такова, Орвелловский мир, гипноз всеобщего стадного помешательства и двоемыслия, воспитываемого с пеленок.

Я плохо написал эту статью о писателе и КГБ, у меня было только одно: поскорее сообщить агентуре в СССР, что мой «донос» был издевательским и что-бы они в самом деле не сделали чего-нибудь моим друзьям, и еще мне нужно было изрыгнуть эту мерзость, этот ужас, прежде чем начать иную жизнь. Эта мерзость, этот ужас в СССР для писателя ОБЯЗАТЕЛЬНЫ, если он ездит за границу, занимает какие-то должности. Вот это на Западе уж никак не укладывается в мозги.

О, если бы кто-нибудь еще прибежал так же, как я, не в силах больше выносить это, с истерзанной совестью, и если бы нашел в себе мужество подтвердить собственными фактами все то, что я рассказываю об отношениях советской литературы и КГБ!.. Пока я один, мне невозможно верить. Но они боятся и молчат, несчастные. Умирают и уносят с собой свои тайны, как Эренбург. Корчатся и трепыхаются, как Евтушенко. И — молчат!

Там, вблизи, КГБ кажется глобальной силой. Для мышей страшнее кошки зверя нет.

Это, видимо, совершенно непонятно Лилиан Хелман, которая написала, что раскаяния информаторов неприятны спекулятивны. Что должны же существовать и другие пути в Англию. Что когда я буду у каминнов разглаговольствовать о свободе, то мы будем помнить, что свобода как таковая и свобода, завоеванная предательством невинных друзей — это противоречие в терминах.

А что бы Лилиан Хелман предложила человеку, вырвавшемуся из Орвелловского мира? Промолчать? Кроме меня самого о моем фиктивном доносе никто не смог бы рассказать. КГБ не объясняет о таких вещах, иначе оно бы расписалось в том, что действительно занимается слежкой за писателями. И я бы мог спокойно рассуждать у каминнов о свободе. Это мне предлагает Лилиан Хелман?

Нет, она говорит: «Не надо было вообще писать донос. Должны существовать и другие пути в Англию». Какие?

Я не могу ничего сказать о других писателях, как они ездят в Англию, США, Японию и так далее. Я рассказал о себе: при каких ЕДИНСТВЕННО возможных для меня условиях меня отпускали за границу.

Другой путь — переходить границу нелегально.

Я и к этому готовился. Путем тренировок я могу находиться 15 часов под водой, разработал конструкцию плотика, маршрут от Зеленого мыса под Батуми до турецкого побережья. И вот недавно я получил письмо от одного русского в Англии, который этот путь уже проделал. Он пишет, что его спасло чудо, что это безумная затея. Он просидел 6 месяцев у турок в тюрьме, пока они выяснили, не шпион ли он, и там встретился с пограничником, сбжавшим, как и он, из Батуми. По идее этот пограничник должен был его ловить. Он рассказал, что у Батуми не только катера, подводные лодки, прожектора, вертолеты, локаторы, но еще стоят и подводные гидролокаторы, обнаруживающие любое плывущее под водой тело с мотором или БЕЗ.

Это как раз то, в существование чего я не верил. Они бы засекли меня. Это, к сведению Лилиан Хелман, был для меня ДРУГОЙ путь, только, видимо, не в Лондон, а на тот свет. Я не думаю, чтобы власти стали судить МЕНЯ, так популярного среди молодежи СССР, все-таки это была бы дикая история: поймали Кузнецова на турецкой границе! Скорее всего — сумасшедший дом, или тихо утопили бы и напечатала в «Литературной газете» приличный некролог.

Некролог появился бы и в случае, если бы в Шереметьевском аэропорту в Москве вдруг почему-либо вздумали меня обыскать и нашли пленки с рукописями. Я был готов и к этому. Твердо решил, что в таком случае бросаюсь головой в окно. Не хочу пыток.

Я был готов на все, лишь бы не продолжать существование в том фантастическом мире до самой старости и смерти. До сих пор не могу поверить, что пока спасся. Каждую ночь мне снится один и тот же кошмар: я бегу, меня ловят. Каждое утро просыпаюсь в поту, в ужасе, бросаюсь к окну удостовериться, что это — Лондон. И постепенно прихожу в себя. Спрашивал здесь других русских, сбжавших из СССР. Они успокоили, что этот кошмар — совершенно нормальная вещь, это было с каждым из них, и этот «инкубационный период» длится два месяца, а чтобы окончательно придти в себя и стать нормальным человеком — нужно два года.

Я сейчас словно вырвался из тридцати рядов колючей проволоки, лежу, хриплю, с меня хлещет кровь, а вокруг стоят сытые, розовые джентльмены и обсуждают, правильно ли я сделал, что вырвался и почему я прорывал это таким странным способом.

Мистер Вильям Стайрон считает, что я вырвался неправильно. Что оставшимся ТАМ будет теперь хуже, они не будут ездить фигурничать в США и писать потом обличительные, направленные против буржуазной культуры поэмы. Но, главное, я должен был бороться в России как Солженицын, Гинзбург, Синявский, Даниэль.

Я бы на это предложил Стайрону подать заявление советскому правительству, чтобы Синявского отпустили в Америку, а Стайрон занял его место в концлагере и боролся. Но вместо этого рассказу о разных пониманиях «борьбы» в СССР.

Писатели в России делятся на довольно четкие группы:

1. Полностью подчиненные. Да здравствует советская власть! Все, что делается — прекрасно. Таковы: ШОЛОХОВ, МИХАЛКОВ, КОЧЕТОВ.

2. Умеренно либеральные. Да здравствует советская власть! Но не все, что делается — прекрасно. Если нужно писать абзацы о Сталине — пишем, но если можно выбросить их — с удовольствием выбросим. Таковы: КАТАЕВ, СИМОНОВ РОЖДЕСТВЕНСКИЙ.

3. Воинственно либеральные. Да здравствует советская власть и коммунизм с человеческим лицом! Но только под суд не хотим! Таковы: ЕВТУШЕНКО, ВОЗНЕСЕНСКИЙ, ТВАРДОВСКИЙ.

4. Оппозиционные. За советскую власть, но только не такую, как была все 50 лет. Готовы за правду хоть под суд, и попадают. СИНЯВСКИЙ, ДАНИЭЛЬ, СОЛЖЕНИЦЫН, ГИНЗБУРГ.

5. Противники. Против советской власти. Считают, что «коммунизм с человеческим лицом» — фикция, миф. Что Советская Россия — это мировой жандарм, фашистская страна.

? ... ? ... ?

Вы слышали о таких? Встречались с ними? Я — да. Но их произведения не ходят в списках. Это невозможно. КГБ некоторое время избородало из себя либеральную кошку и позволяло мышам играть, но только в пределах четвертой категории. Оно сквозь пальцы смотрит на Солженицына, на «самиздат» (который, по заявлению начальника Московского КГБ могло бы уничтожить в 2 дня, и это прав-

да) только потому, что вся эта литература — «за советскую власть, против отдельных злоупотреблений».

Даже Синявский и Даниэль уже были судимы, уже шли в концлагерь, а все доказывали, что они ничего плохого не хотели сделать и что они ЗА СОВЕТСКУЮ ВЛАСТЬ. И генерал Григоренко, и демонстранты в Москве — всего только требуют соблюдать советскую конституцию.

Ну, а если я ПРОТИВ советской власти? Я не фашист, не капиталист, не социалист, я сам не знаю, кто я такой, просто человек и гуманист, но я ПРОТИВ этого ужаса и обмана! Если я — пятая категория? Когда выйдут в свет мои книги, написанные подпольно, Вы, Артур Миллер, может быть поймете разницу между этой столь шумно борющейся СОВЕТСКОЙ оппозицией и тем, чего мир из России еще не получал — оппозицией ПОДЛИННОЙ.

Как же приказал бы мне, вот такому, бороться ТАМ мистер Стайрон? Если бы Орвелл жил в СССР — что ему делать? Пустить свой «Скотский хутор» по рукам в «самиздате»? Его тут же схватят, бросят в сумасшедший дом, инъекциями доведут до подлинного сумасшествия, вот и весь результат. Ведь крики «Долой коммунизм» в России раздаются только в сумасшедших домах.

Одно время я разрабатывал способ фотокопирования и хотел пустить свои произведения анонимно, несколько изменяя стиль, чтобы не узнали. Но с ужасом услышал от работников КГБ, при чем от разных, что сей час для них не представляет труда обнаружить автора по тексту. Лексикон, синтаксис, стиль и т. д. — индивидуальны, как их ни запутывай. И, в частности, к этому делу подключаются электронно-вычислительные машины, сыгравшие, по их словам, не последнюю роль и в разоблачении Синявского с Даниэлем.

Так что все-таки положение Орвелла было бы безвыходным: или храни рукописи в тайнике и неизвестности, или погибай. Или любой ценой спайсайте из этой чудовищной страны.

Жить так, как Шолохов или Полевой, то-есть быть циником и подлецом, — я не смогу бы. По-моему, нет ничего страшнее. Это дикий компромисс с совестью.

Но все следующие категории: 2-я, 3-я, 4-я — это ведь тоже

КОМПРОМИСС! Компромисс больше, компромисс меньше... Ведь все, все распинаются за советскую власть, кто искренне, кто тактически, кто вынужденно — но все против лишь «отдельных злоупотреблений»!

Это же все равно, что до революции этакие передовые борцы распинались: «Мы за царя-батюшку, но мы против отдельных злоупотреблений царизма». Или в фашистской Германии нашлись оппозиционеры, которые заявляли бы: «Мы за Гитлера и фашизм, но мы против газовых печей и других злоупотреблений».

Боже мой, несчастная страна, до чего она докатилась, если даже элементарное требование «Соблюдайте конституцию» или «Не сажайте невинных в лагерь» — является верхом политической борьбы, мужества и героизма.

Да, я преклоняюсь перед Синявским и Солженицыным, непералом Григоренко и Литвиновым. Они — как христианские мученики идут прямо на зверей, зная наперед, что их ждет. Но то, что они проповедуют — компромиссно. Потому им и ПОЗВОЛЕН.

А бескомпромиссных даже к арене не допускают. Бескомпромиссных душат в темных подвалах, и их криков не слышно.

Все это к вопросу, почему я не остался в России к удовольствию мистера Стайрона, а также и Лилиан Хелман, которая «не слышала» моей фамилии среди имен борцов за советскую власть против отдельных злоупотреблений. Видимо, они, Стайрон и Хелман, ЗА СОВЕТСКУЮ ВЛАСТЬ?

Напрасно, сказал бы я Стайрону. Если бы он был советским писателем, ни одно его произведение не было бы опубликовано в СССР. Его там публикуют потому, что он критикует западный мир. Когда я читал «Долгий марш», я думал «Вот счастливый, даже армию — и ту может описывать как считает нужным». В СССР армия — такая же святая, как и партия. О ней можно писать только хорошее, лучшее и еще лучше.

Дорогой Артур Миллер! Простите, что отнимаю у Вас столько времени. Я Вас уважаю. Не трудитесь специально мне отвечать. Я подумал, что при разговоре о положении писателя в России Вам, может быть, пригодятся какие-нибудь мои уточнения, а возможно, Вы знаете и куда больше, чем я, в таком случае еще раз извините.

Желаю лично Вам больших удач и счастья!

Сердечный Вам привет.

А. Анатолий (Кузнецов)